

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

HARVARD
COLLEGE
LIBRARY

ЖУРНАЛЪ

МИНИСТЕРСТВА

НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

ОКТЯБРЬ

1870.

(ЧЕТВЕРТОЕ ДЕСЯТИЛѢТІЕ).

ЧАСТЬ СХЛХІ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Издатель

В. Голосинъ.

ВЛАДИМИРСКАЯ, ДОМЪ № 15.

1870.

СОДЕРЖАНИЕ.

РАВИТЕЛЬСТВЕННЫЯ РАСПОРЯЖЕНІЯ.

- прикосновенность частной собственности
въ международных войнахъ. (Окон-
чаніе) . . . . . Р. Вазинера.
- рковный и политическій бытъ православ-
ныхъ Сербовъ и Волоховъ въ австрій-
скихъ земляхъ съ IX столѣтія до на-
стоящаго времени. . . . . Архимандрита Арсенія.
- твіе о происхожденіи и коренномъ зна-
ченіи названія „Ляхъ“ . . . . . П. А. Лавровскаго.
- сколько зоологическихъ изслѣдованій на
Средиземномъ морѣ лѣтомъ 1869 года. И. И. Мечникова.
- литическія и библиографическія замѣтки:
новомъ чешскомъ переводѣ Слова о цюлку Игоревѣ. Н. А. Лавровскаго.
- ности иностранной ученой литературы. (I.
Исторія. II. Объ изданіи историческихъ па-
мятниковъ марки Анконской . . . . . В. В. Макушева.
- ени и факты изъ исторіи педагогики. (Окон-
чаніе) . . . . . П. Д. Юркевича.
- менскій, педагогъ XVII вѣка . . . . . Н. И. Куликова.
- зѣтки по русской грамматикѣ:
твѣтствіе звуковъ ѣ (ai) и ѣ (in), какъ гортаннаго
и носоваго усиленія коренной гласной і. . . . С. С. Милуцаго.
- уть ли звуки ы и ѣ потирваться? . . . . . М. Колосова.

ВРЕМЕННАЯ ЛѢТОПИСЬ.

(См. на 8-й стр. обѣтки).

МНѢНІЕ О ПРОИСХОЖДЕНІИ И КОРЕННОМЪ ЗНАЧЕНІИ НАЗВАНІЯ «ЛЯХЪ».

Въ ряду вопросовъ по языкознанію, довольно давно дано важное мѣсто и вопросу о собственныхъ именахъ какъ лицъ и народовъ, такъ и мѣстныхъ названій. Наука настоящаго времени уже можетъ указать и на замѣчательныя исслѣдованія въ этомъ отношеніи, дѣлающія честь ихъ авторамъ и во многомъ разъясняющія темныя стороны древнѣйшаго быта. Болѣе всѣхъ, въ этомъ отношеніи, сдѣлано Нѣмцами, какъ имъ же безспорно принадлежитъ пальма первенства и вообще въ уснѣхахъ языкознанія. Не мало положено труда и учеными славянскими въ обработкѣ вопроса о значеніи и происхожденіи собственныхъ именъ. Стоитъ только вспомнить о Добровскомъ, Коларѣ и Шафарикѣ у западныхъ Славянъ, о Калайдовичѣ, Буслаевѣ, Морощкинѣ и другихъ у Славянъ восточныхъ, чтобы не считать и тутъ этого вопроса не тронутымъ и не признать за учеными заслуги значительной матеріальной подготовки для дальнѣйшихъ научныхъ поисковъ. Особенно важны замѣтки Шафарика, разбросанныя преимущественно въ его примѣчаніяхъ, а отчасти и въ текстѣ знаменитаго его творенія о „Славянскихъ древностяхъ“. По крайней мѣрѣ относительно названій народовъ славянскихъ, какъ живущихъ еще нынѣ, такъ уже и сошедшихъ со сцены, не легко найдти имя, на которомъ не остановился бы великій этотъ ученый, котораго не обслѣдовалъ бы онъ со свойственнымъ ему трудолюбіемъ, и по которому не далъ бы отвѣта, соответствующаго его глубокому знанію и остроумію.

И понятна вниманіе науки къ этому роду вопросовъ. Исходя изъ той несомнѣнной мысли, что собственное имя не родилось собственнымъ, то-есть, техническимъ выраженіемъ, лишеннымъ своего внутренняго особаго смысла, что оно только сдѣлалось такимъ въ теченіе многихъ вѣковъ народной жизни, имѣя въ основѣ своей имя нарицательное, съ опредѣленнымъ и общезвѣстнымъ данному народу поня-

тѣмъ, мы безъ затрудненія должны принять, что стало-быть, такимъ именемъ первоначально опредѣлялся взглядъ на извѣстный предметъ, понятіе о немъ народное, и что съ другой стороны, имъ выражался характеръ, свойство, качество предмета, все равно, будетъ ли это мѣстность, урочище, отдѣльное лицо или цѣлый народъ. Отсюда въ имени, напримѣръ, народа неизбѣжно заключено воззрѣніе и на его положеніе, и на отношеніе къ другимъ народамъ, и на его бытъ и занятія. И чѣмъ скуднѣе исторія на подобныя свѣдѣнія, которыхъ вообще она лишена по недостатку о нихъ письменныхъ извѣстій, тѣмъ дороже становятся указанія языка, являющагося въ этомъ случаѣ единственнымъ, и при научномъ приѣмѣ, надежнѣйшимъ источникомъ. Собственное имя является неизгладимою мѣткою народа и мѣстности. И первый, и послѣдній въ переворотахъ исторіи могутъ всецѣло видоизмѣниться, утратить наибольшую часть остальныхъ примѣтъ своего исконнаго происхожденія, затеряться среди наплыва новыхъ и чуждыхъ народностей; но имя, если только не изгладилось оно окончательно, не смотря на всю поразительную порчу своихъ звуковъ въ устахъ выродившагося поколѣнія, не перестанетъ быть передъ наукою громкимъ свидѣтелемъ кореннаго происхожденія народа и первобытныхъ поселенцевъ мѣстности.

Къ собственнымъ именамъ народовъ славянскихъ, подвергавшимся филологическому изслѣдованію съ цѣлію указать на первоначальное, коренное ихъ значеніе, принадлежатъ и имя *Ляхъ*, *Ляхи*. Было бы излишне исчислять послѣдовательный рядъ ученыхъ, представлявшихъ сильное объясненіе этого названія, тѣмъ болѣе, что весьма немногіе изъ нихъ руководились чисто научными приѣмами и приступали къ рѣшенію своей задачи безъ предвзятой мысли; большая часть, напротивъ того, усиливалась въ названіи отыскать доказательство своей личной теоріи общественнаго и государственнаго устройства народа и въ подобныхъ случаяхъ не стѣсняла себя справками съ законами языка и съ кореннымъ въ немъ значеніемъ разбираемаго народнаго названія. Въ глазахъ такихъ ученыхъ было уже достаточно одного звуковаго подобія. Для примѣра можемъ указать на покойнаго Шайноху, во многихъ другихъ отношеніяхъ достойнаго ученаго. Этотъ писатель, задавшись мыслию о норманскомъ происхожденіи Ляховъ, на доказательство чего посвятилъ объемистое сочиненіе подъ заглавіемъ „*Lechicki początek Polski*“ (Lwów, 1858), и въ самомъ имени задумалъ провести свидѣтельство о скандинавскомъ происхожденіи господствующей части польскаго народа. По мнѣнію Шайнохи, *Lach*

есть выраженіе чисто скандинавское и означаетъ товарищество, общество; выраженіе это цѣликомъ повторяется у Шведовъ, въ формѣ *lage, lag*, при чемъ, замѣчаетъ Шайноха, *g* произносится какъ *s* (х). Самое же слово *lage* происходитъ отъ *laegga*, съ значеніемъ—класть, полагать; отсюда образовалось и нѣмецкое слово *Gelag*, то-есть, общество, товарищество, и шведское *lag*, въ смыслѣ право, отсюда *lagman* (произносится *lahman*) — правовѣдъ, судья. При такомъ приемѣ, конечно, скорѣе пришлось бы удивляться тому, чтобъ ученый сознался въ невозможности отыскать сходство и тѣмъ увеличить количество доводовъ своей теоріи, построенной на личномъ его усмотрѣніи. Для филолога всегда останется вѣрнѣйшимъ и ближайшимъ къ цѣли тотъ путь, когда извѣстное названіе опредѣляется прежде всего языкомъ народа, нмя котораго изслѣдуется, или языкомъ племени, въ которомъ этотъ народъ составляетъ лишь одну частицу; когда это названіе оставило по себѣ слѣды въ населенной народомъ мѣстности и находитъ соотвѣтствіе въ области соплеменниковъ; когда, наконецъ, оправдывается и подтверждается тѣмъ же выраженіемъ, видоизмѣненнымъ или даже испорченнымъ, въ устахъ чужаго народа, но испорченнымъ согласно со свойствами и особенностями языка этого послѣдняго.

Этотъ-то путь избранъ и знаменитымъ Шафарикомъ¹⁾. Чешскій ученный, указавъ сначала на употребленіе названія *Ляхъ* = *Лехъ* въ собственныхъ именахъ лицъ и въ названіяхъ мѣстностей у разныхъ Славянъ, на подобное же образование другихъ собственныхъ именъ, съ тѣмъ же окончаніемъ, затѣмъ смѣло приступаетъ и къ объясненію происхожденія этого слова изъ славянскаго языка. Доказавъ, что въ основаніи слова *Ляхъ* лежитъ нарицательное существительное *лѣха*, встрѣчающееся въ языкѣ славянскомъ съ древнѣйшаго времени почти по всѣмъ его нарѣчіямъ, съ значеніемъ — борозда, града, поле и т. п., Шафарикъ сумѣлъ подтвердить свое производство и многочисленными выраженіями, господствующими въ общественной жизни Славянъ. Какъ *Ляхъ* отъ первоначальнаго значенія — житель земли, поля, перешло къ воздѣльвателю, владѣльцу, богатому поземельному собственнику, дворянину, такъ и сродное по смыслу выраженіе *земанъ* совершило точно такой же путь развитія своего значенія и отъ наименованія земледѣльца стало относиться потомъ къ обозначенію дворянина. Противъ подобнаго объясненія трудно сказать что-либо положительное и вѣс-

¹⁾ Slov. Starožitnosti, 1837, стр. 752—755.

кое. Но въ свою очередь, нельзя не пожелать болѣе дѣльнаго объясненія приведенныхъ данныхъ. Самъ Шафарикъ даетъ поводъ и побужденіе къ тому. Заявивъ, что окончаніе *хъ* въ *Ляхъ*, какъ въ *Чехъ*, *Влахъ* и друг., есть непремѣнно только образовательная приставка, онъ однако же не рѣшился коснуться самаго корня *лх* = *лех* (= *лх*), имъ намѣченнаго, и откровенно признался, что корень неизвѣстенъ. Вопросъ, слѣдовательно, возможенъ, и желательное его рѣшеніе не лишено значенія.

Неожиданныя обстоятельства поставили меня въ непосредственныя личныя отношенія къ старому моему знакомому и пріятелю, С. П. Микуцкому. Слѣдящіе за трудами по языковѣдѣнію уже слышали о г. Микуцкомъ и читали нѣкоторые изъ его замѣтокъ; мнѣ извѣстенъ онъ былъ ближе по частой между нами перепискѣ, ни разу не выходявшей изъ предѣловъ того направленія филологическихъ изслѣдованій, которое обыкновенно называется чисто фактическимъ, иногда сухимъ, а часто и скучнымъ. Такое опредѣленіе направленія этихъ изслѣдованій, какъ основанное на причинахъ, не имѣющихъ ничего общаго съ дѣйствительною наукою, на столько же не можетъ быть обидно автору, на сколько не относится ни мало и къ самой характеристикѣ трудовъ его въ научномъ отношеніи. Я лично всегда былъ благодаренъ г. Микуцкому за сообщеніе мнѣ его наблюденій, въ которыхъ я могъ видѣть лишь непритворную любовь къ избранному имъ роду занятій, свойственную мирному труженику науки. Церемѣна обстоятельство еще усилила такіа сообщенія, сдѣлавъ ихъ болѣе живыми, потому что они стали совершаться устно и болѣе послѣдовательно, такъ какъ они идутъ теперь непрерывно, изо дня въ день. Среди подобныхъ бесѣдъ не однажды приходилось намъ касаться и собственныхъ именъ, ихъ происхожденія и кореннаго первобытнаго смысла; мимоходомъ однажды зашла рѣчь и о названіи *Ляхъ*. Замѣчанія, высказанныя г. Микуцкимъ по этому поводу, показали мнѣ до того заслуживающими вниманія по вѣрности сближеній, повидному, совершенно разнородныхъ выраженій, что я позволилъ себѣ попросить его набросать на бумагу представленныя имъ факты, въ надеждѣ воспользоваться ими при удобномъ случаѣ, разумѣется, отъ имени самого же г. Микуцкаго. Онъ не заставилъ долго ждать себя, и на другой же день я имѣлъ полтора листа разнообразныхъ выраженій, направленныхъ къ одной цѣли — доказать происхожденіе названія *Ляхъ*. Предлагая этотъ матеріалъ, я позволилъ себѣ, съ согласія самого г. Микуцкаго, дать имъ нѣсколько иной по-

рядокъ и соединить ихъ связующими мыслями, безъ которыхъ не всегда бываетъ легко уловить послѣдніе выводы.

Но прежде всего считаю умѣстнымъ предложить краткія замѣтки о значеніи звука *я* и *ъ*, въ выраженіи *Ляхъ* (= *лхъ*). Что русское *я* здѣсь есть замѣна носоваго *а* (= *ен*), это не можетъ подлежать ни малѣйшему сомнѣнію, не только потому, что носовое *н* сохранилось въ литовскомъ названіи Поляка — *Линкас, Ленкас, Лянкас* (какъ справедливо замѣтилъ уже и Шафарикъ), равно какъ и въ мадьярскомъ *Ленгвел (Lengyel)*, но и потому, что только при коренномъ *а* возможно правильно объяснить перемѣны произношенія этого имени у другихъ Славянъ. Дѣйствительно, звукъ *е* сербскаго и чешскаго нарѣчій, соответствующій русскому *я*, указываетъ на коренное *а*: а въ сербскомъ и чешскомъ это слово звучало изстари, звучитъ и донныи въ формѣ *Лехъ*. Какъ ни необыкновенно оно въ памятникахъ старославянской церковной письменности, но и крайне рѣдкихъ примѣровъ употребленія его съ правописаніемъ *Лхъ* достаточно, чтобы подтвердить коренное произношеніе съ носовымъ отгѣнкомъ. Только при посредствѣ *а* становится понятнымъ, почему въ старой письменности Юго-славянъ, какъ, напримѣръ, въ сербской, читаемъ мы *Лхъ* именно въ силу довольно обыкновеннаго на югѣ славянскаго міра замѣненія на цысмѣ *а* (= *а*) посредствомъ *ъ*. Такимъ образомъ, ближайшая коренная форма существительнаго *Лхъ* = *Лехъ* = *Льхъ* должна быть *ла*, равная литовскому *лин, лен* — въ *Линкас, Ленкас*. Но, какимъ отношеніемъ можно связать съ этимъ корнемъ, равно съ *Лехъ* = *Лхъ* и съ русскимъ прилагательнымъ отъ него *ляшскій*, форму прилагательнаго *ляфскъ* = *ляцкій*, въ смыслѣ — польскій, дяшскій, встрѣчающуюся столь часто у нашего лѣтописца Нестора?

Г. Милуцкій указываетъ на русское слово *ляда, лядина*, что, по словарю г. Даля, означаетъ — рощище, починокъ, пасѣка, кулига, пустошь, заросль, покниутая и заросшая лѣсомъ земля, запущенныя заросли, низкая, мокрая и плохая почва съ мелкимъ лѣсомъ. И г. Даль, и самъ г. Милуцкій прибавляютъ, что встарь на сѣверѣ и востокѣ Руси почти не было иного хозяйства и посѣвовъ, какъ на *росчистяхъ, огнищахъ*, потому что тамъ всюду тянулись сплошныя лѣса; зола въ то же время служила удобреніемъ. Росчистное хозяйство существовало и у другихъ Славянъ, особенно у сѣверо-западныхъ, то-есть, вырубался и сожигался лѣсъ, дѣлались *ляды, росчисти, кулиги, пасѣки*. За истощеніемъ почвы, эти *ляды* запускалися и заросали лѣсомъ. Отсюда и развились вышеупомянутыя значенія словъ *ляда, лядина*.

Съ этимъ существительнымъ нельзя не сопоставить выраженія, сохранявшася у Славянъ Полабскихъ, а именно: *люндо*, съ значеніемъ—земля, на которой пашутъ, пахатная земля, пашня. Что тутъ *юн* вполне равняется звуку *а* (= *ен*), очевидно изъ весьма частой замѣны его и въ другихъ словахъ посредствомъ *юн*, какъ, на примѣръ, церковно-славянская *пата*— у Полабскихъ Славянъ *понта*; *града*— *гронда*; *вазати*— *юнзати* и т. п.

Что въ русскихъ словахъ *ляда*, *лядина* должна быть въ корнѣ непременно носовая гласная, ясно изъ ихъ формы въ древнѣйшихъ старо-славянскихъ памятникахъ, гдѣ пишутся онѣ посредствомъ *лѣда*, *лѣдина*, съ значеніемъ— пустошь, пустыня (*terra inculta*); не менѣе убѣдительно доказывается носовая гласность и переходомъ того же выраженія въ румынскій языкъ, гдѣ оно доселѣ выговаривается *линдинъ*, на общемъ основаніи замѣны славянскаго *а* посредствомъ *ин*, какъ *олиндъ* (зеркало) изъ славянскаго *ладати*, *сминти* (ошибаться, грѣшить) изъ *сѣмсти* (настоящее время: *сѣматъ*), *свинци* (посвящать) изъ *сватъ*, и др. *Линдинъ* по румыски значитъ— не воздѣланная, не обработанная мѣстность. То же самое слово, въ соотвѣтствующей формѣ, сохранилось и въ латышскомъ языкѣ, съ свойственнымъ ему пропущеніемъ носоваго звука. По латышски тема глагола *лид* (*lid*), неопредѣленное наклоненіе *лист*, настоящее *лижу*, прошедшее *лиду* значитъ— вырубать и сжигать лѣсъ, дѣлать рощи, пасѣки, откуда въ томъ же языкѣ латышскомъ *лидумс*, въ литовскомъ *лидимас*— рощистъ, пасѣка, вулига, вполне соотвѣтствующее русскому *ляда*, *лядина*. И какъ въ Польшѣ встрѣчается не рѣдко мѣстное названіе *Лендо*, такъ и древне-литовское существительное *лида*, то-есть, рощистъ, осталось въ именахъ мѣсть, на примѣръ, *Лида*, уѣздный городъ между Вильной и Гродномъ.

Тотъ же корень *лад*=*ляд*=*лид* является съ подобнымъ же значеніемъ и также съ носовымъ звукомъ и въ древне-скандинавскомъ языкѣ, въ которомъ *linda*, по словарю Ире, объясняется такъ: *ager cessans, qui antea cultus jam amplius non subigitur* ¹⁾. Подобный же переходъ значенія отъ поля въ лѣсу— къ лѣсу, рощѣ, свидѣтельствующій также о способѣ первобытнаго земледѣльничества, объясненнаго выше, принадлежитъ и финскому существительному *ахо*, означающему *ager silvestris, post messem derelictus denuo arborescens, inde silva recens, lucus, nemus*.

¹⁾ *Ihre, Glossarium Suio-gothicum, II, 77.*

Послѣ сказаннаго едва-ли можно болѣе сомнѣваться, что выраженіе *лядина*, русскія *ляда*, *лядина* и *Ляхъ* (= *ляхъ*, *льхъ*, *лехъ*), равно литовское *Линкас*, *Ленкас*, *Лянкас* одного и того же кореннаго происхожденія и въ основѣ своей должны имѣть одну и ту же идею. Различіе здѣсь лишь въ образовательной приставкѣ, которая въ первомъ выраженіи есть *до*, *да*, во второмъ *хъ*, литовская *ка*. Отсюда, нѣтъ ничего удивительнаго, что образовательный звукъ *д*, при корнѣ *лм* = литовское *лин*, *лен*, является и съ синонимическимъ значеніемъ съ словами, образованными посредствомъ приставки *хъ*. Это видимъ мы, вопервыхъ, въ прилагательномъ древне-русскомъ *лядскъ*, то-есть, польскій, ляхскій, литовское *ленкишикас*; во вторыхъ—въ мадыарскомъ *Лендвель*: и то и другое слово, очевидно, образовано изъ темы *лядъ* или *ляда*, и оба относятся къ понятію о народѣ, для котораго господствующее выраженіе есть *Ляхъ*, отъ того же корня *лм* (*ля*) только съ особою приставкою *хъ*. Родство темъ *ляд* и *лях* доказывается и обратнымъ образомъ: какъ первое перенеслось къ народной терминологіи въ прилагательномъ *лядскъ*, такъ въ свою очередь и второе отъ понятія о народѣ перешло къ синонимическому значенію съ существительнымъ *лядина*. Дѣйствительно, въ народномъ великорусскомъ говорѣ *ляшина* (разумѣется, происшедшее отъ *лях*) означаетъ — пасѣку, рощищу.

Можно догадываться, замѣчаетъ г. Микуцкій, что форма *Ляхъ* есть собственно ласкательная (*hurocogistica*) изъ первоначальной формы *лядъ*, *лядинъ*. Опъ заключаетъ такъ на основаніи многихъ другихъ примѣровъ, подобныхъ слѣдующимъ: *Стахо*, *Стахъ* — изъ *Станиславъ*; *Вахо*, *Вахъ* — изъ *Вавринецъ* (*Лаврентій*); *Яхо*, *Яхъ* — изъ *Янъ* или *Яковъ* и проч. Отрицать возможность справедливости такого сближенія, конечно, не легко. Мы только позволимъ отъ себя замѣтить, что приведенныя здѣсь и подобныя имъ ласкательныя названія образованы всѣ посредствомъ сильныхъ сокращеній и выпусковъ; но есть ли надобность предполагать такой переверотъ и для образованія слова *Ляхъ*? Во всякомъ случаѣ, прежде всего необходимо доказать, что такое явленіе повторяется и въ литовскомъ языкѣ, что и въ немъ окончаніе *ка* (= *хъ*) употребляется также съ ласкательнымъ значеніемъ, и что литовское *ленкас* могло такимъ же образомъ произойти, напримѣръ, изъ *лендас*, какъ *Ляхъ* изъ *лядъ* или *лядинъ*.

Относительно значенія существительныхъ *ляхъ* = *ляхъ* = *льхъ*, г. Микуцкій выражается такъ, что въ глубокой древности оно означало челоуѣка, дѣлающаго рощищу, пасѣку, слѣдовательно, земле-

воздѣлывателя, землевладѣльца, ибо расчистить землю, сдѣлать *ляду*, пасѣку, значило то же, что завладѣть землею, взять ее во владѣніе.

Но г. Микучкій не остановился и на этомъ. Будучи вѣренъ своему основному направленію въ ученыхъ работахъ—доходить до формъ первичныхъ, онъ не могъ удовлетвориться корнемъ *ла*, равнымъ литовскому *лин*, *лен*, уже потому, полагаемъ, что звуки носовые славяно-литовскаго языка предлагаютъ сравнительно позднее образованіе, разившесся на славяно-литовской почвѣ. Для сближенія съ родственными языками и для опредѣленія кореннаго смысла оказалась надобность къ возведенію корня *ла* къ болѣе древнему виду. Исходя изъ общепринятаго въ наукѣ положенія, что звуку *л* въ весьма нерѣдкихъ случаяхъ древнѣйшихъ формъ языка соответствуетъ звукъ *р*, г. Микучкій подставляетъ подъ *ла*, *ля*, какъ первичный корень, *ра*, *ри*, или съ довольно обыкновенною перестановкою звуковъ *ар*. Такой корень существовалъ въ древне-арійскомъ языкѣ съ значеніемъ — сѣчь, рубить, рѣзать, орать (то-есть, рѣзать землю). Отсюда литовское *арти*, русское и славянское *орать*, *ра-зъ*, *рѣ-зъ*, *рѣ-зать*. И если изъ этого корня, съ переменною *р* на *л* и приставкою *д*, въ латышскомъ образовался вторичный корень *lid*, откуда существительное *лида*, или съ обращеніемъ гласнаго звука *і* въ носовой, какъ въ славянскомъ *лад*, съ существительными *лада*, *ладина*, то въ санскритѣ тотъ же корень, съ тѣмъ же переходомъ *р* въ *л*, далъ отъ себя вторичный корень *likh*, съ значеніемъ — дѣлать *рѣзы*, *черты*, въ чемъ нельзя не видѣть темы и для славянскаго выраженія *льха*, то-есть, борова, прорѣзанная часть поля.

Направленіе обращаться къ первичнымъ корнямъ и въ нихъ отыскивать первоначальный смыслъ позднѣйшаго выраженія далеко еще не пользуется полнымъ правомъ гражданства въ наукѣ языковеденія; значительная часть ученыхъ филологовъ, даже извѣстныхъ своими почтенными трудами по филологіи, не только смотрятъ съ сомнѣніемъ на подобный пріемъ, но готовы подъ часъ положительно отрицать всякую пользу отъ него и не признавать даже въ такомъ методѣ никакой научности. Тѣмъ не менѣе, литература современнаго языковеденія, ежели до сихъ поръ еще и не высказалась опредѣлительно о значеніи и объ основательности этого направленія, то въ массѣ изслѣдованій представила уже много примѣровъ въ которыхъ переходъ изслѣдованій отъ вторичной формы корней къ первичной занимаетъ уже видное мѣсто, иногда подъ перомъ и такихъ ученыхъ, которые съ жаромъ готовы возставать противъ такого пріема, какъ

принципа въ извѣстныхъ вопросахъ по языкованію. Еще менѣе принята наукою мысль, что на ряду съ простотою и первичностью корней шло въ языкѣ и развитіе понятій отъ нѣсколькихъ общихъ и простѣйшихъ, которыя возможно свести подъ немногія опредѣленныя категоріи. Въ этомъ отношеніи, въ литературѣ филологической науки мелькаютъ только проблески такой идеи, въ большинствѣ иногда прямо и рѣшительно отвергаемой, а иногда и рѣзко порицаемой. Не считая себя ни въ правѣ, ни въ силахъ теперь же фактически-научнымъ путемъ доказать поспѣшность и шаткость отрицательнаго воззрѣнія, я, подъ вліяніемъ совершенныхъ немногихъ трудовъ, въ томъ числѣ и трудовъ г. Микуцаго, позволю себѣ высказать нѣсколько общихъ положеній съ цѣлію разъяснить по крайней мѣрѣ задачу такихъ трудовъ и обозначить возможность и своевременность ея въ нынѣшней наукѣ языкованія.

Слово, какъ внѣшнее выраженіе понятія, идеи, мысли, не разлучно съ послѣдними и въ моментъ образованія, и въ послѣдующемъ развитіи. Всѣ видоизмѣненія, усовершенствованія, обогащенія въ понятіяхъ должны неизбѣжно сопровождаться измѣненіями и въ выражающемъ ихъ словѣ; наоборотъ, трудно допустить перевероты послѣднихъ безъ всякаго соотношенія къ первымъ; безъ внутренней необходимости, обусловленной именно появляющимися особенностями въ значеніи, и внѣшняя оболочка слова или оставалась бы неподвижною, или разнообразилась бы съ большею медленностію и въ иныхъ видахъ. А между тѣмъ современная наука языкованія, выросшая въ столь широкихъ размѣрахъ, преимущественно въ области индо-европейскихъ языковъ, усилила уже представить убѣдительныя доказательства тому, какъ внѣшнее выраженіе усложнялось постепенно, и послѣдовательно, исходя отъ формъ простѣйшихъ, какъ самыя видоизмѣненія такъ-называемыхъ склоняемыхъ языковъ составляютъ лишь явленія позднѣйшія, сравнительно съ свойствами ихъ въ первобытную старину, на сколько эту послѣднюю способна захватить наука посредствомъ аналогіи съ развитіемъ тѣхъ же языковъ въ историческое время. Такъ и въ склоняемыхъ языкахъ выяснены слѣды первоначальной приставочности, какъ въ формахъ послѣдней намѣчены признаки предшествовавшей однослобности. Другими словами, богатство грамматическихъ формъ, которому удивляемся мы въ санскритѣ, въ языкахъ классическихъ и въ другихъ древнѣйшихъ, изъ отрасли индо-европейской, есть только плодъ особеннаго развитія индо-европейскаго племени: въ основаніи его лежатъ также неизмѣняемые нѣкогда корни, составившіе не мно-

гочисленный матеріалъ языка, какъ составляютъ его подобныя же корни донныя въ языкахъ односложныхъ.

Но значительная часть и этихъ корней обнаруживаетъ на себѣ слѣды наростовъ, усложненій, посредствомъ приставокъ кое-какнхъ звуковъ, не принадлежавшихъ основному корню; иначе, и большинство добытыхъ наукою корней, какъ матеріала позднѣйшаго языка, представляетъ уже вторичную форму, развившуюся изъ простѣйшей, первичной. И чѣмъ болѣе примѣровъ предлагаютъ новѣйшія изслѣдованія для такихъ новообразованныхъ корней изъ простѣйшаго ихъ первоначальнаго вида, тѣмъ возможнѣе, и смѣемъ думать, тѣмъ законнѣе вопросъ: нельзя ли распределить первобытные корни по категориямъ, опредѣлить ихъ приблизительное количество и указать на разнообразныя способы ихъ усложненія посредствомъ звуковыхъ приставокъ. Не надобно быть вовсе послѣдователемъ Дарвина, чтобы, по крайней мѣрѣ, задать себѣ этотъ вопросъ и вникнуть безпристрастнѣе, чѣмъ это обыкновенно бываетъ, въ его сущность. Наука сравнительнаго языковѣднія и до Дарвина представила уже столько матеріала и такія глубокія поясненія многихъ сторонъ этого вопроса, что попытки возводить словообразованіе къ первичнымъ, двузвуквымъ корнямъ не могутъ считаться новостью.

А если допустить важность и законность этого рода изслѣдованій, уже занявшихъ собою извѣстныхъ ученыхъ, то было бы по меньшей мѣрѣ непослѣдовательностью отрицать надежду на успѣхъ изысканій, направленныхъ къ разъясненію постепеннаго расширенія и обогащенія понятій, которыя образовались отъ ограниченаго въ началѣ числа впечатлѣній, сводившихся лишь къ немногимъ категориямъ. Несомнѣнные факты исторіи языка, открытыя наукой и наглядно свидѣтельствующіе о томъ, какъ одно и то же слово, по близости его значенія къ другимъ понятіямъ, переходитъ къ обозначенію и послѣднихъ, способны только оправдать трудъ, посвященный подобнымъ изысканіямъ. Во всякомъ случаѣ, едва-ли основательно отрицать научность этого рода изысканій и не считать его совмѣстнымъ съ достоинствомъ каждаго спеціальнаго труженика.

Оканчивая эту небольшую замѣтку по поводу представленнаго мнѣ г. Милеуцкимъ матеріала его же замѣчаніямъ о первоначальныхъ корняхъ и первоначальныхъ коренныхъ понятіяхъ, я вовсе не хочу утверждать, чтобы и у меня самого не было нѣкоторыхъ сомнѣній и возраженій противъ кое-какнхъ сравненій и сближеній; но вообще я долженъ признаться, что они касаются только частныхъ, а не

общей системы. Уполномоченный обнародовать эти наблюдения, я не скрою своего убѣжденія, что рано или поздно наука непременно придетъ къ узаконенію и указанной задачи филологическихъ изслѣдованій и предложеннаго приѣма, и что эта задача и этотъ приѣмъ во многомъ будутъ способствовать дальнѣйшимъ успѣхамъ сравнительнаго языкознанія. Вотъ эти замѣчанія г. Микуцкаго:

„Первоначальные корни не многочисленны, а именно:

- 1) Ka, ki, ku, ak или kha, khi, khu, akh.
- 2) Ga, gi, gu, ag или gha, ghi, ghu, agh.
- 3) Ta, ti, tu, at или tha, thi, thu, ath.
- 4) Da, di, du, ad или dha, dhi, dhu, adh.
- 5) Pa, pi, pu, ap или pha, phi, phu, aph.
- 6) Ba, bi, bu, ab или bha, bhi, bhū, abh.
- 7) Na, ni, nu, an.
- 8) Ma, mi, mu, am.
- 9) Ja, i, ju, aj.
- 10) Ra, ri, ru, ar или la, li, lu, al.
- 11) Va, vi, u, av.
- 12) Sa, si, su, as.

Первоначальныхъ коренныхъ понятій тоже немного: вотъ главнѣйшія:

1) Sonare, sonum edere. Звучать, издавать звукъ, говорить; говорить съ самимъ собою, думать, мыслить; думать о чемъ, помнить, заботиться о чемъ. Звукъ, ротъ, уста, горло, шея (орудія звука); звукъ, слухъ, ухо, слушать, слышать. Издавать радостные крики, ликовать, радоваться, веселиться.

2) Ire, se movere. Идти, двигаться; приводить въ движеніе, двигать, нести, везти, вести; бросать, сыпать, лить, сѣять, рождать (Junge werfen). Трястись, дрожать, трепетать, бояться; содрогаться, имѣть къ чему отвращеніе, ненавидѣть и пр.

3) Lucere, splendere. Сіять, свѣтить, горѣть, пылать, грѣть, жечь, печь, морозить. Свѣтъ, блескъ, око, глазъ; смотрѣть, глядѣть, видѣть; вѣдать, знать.

4) Ударять со стукомъ, бить, рубить, рѣзать, колоть; вообще дѣлать, творить, производить. Кость, камень, мѣдь, жельзо, то-есть, орудіе для рубки и т. п. дѣйствій. Рубежь, край, предѣлъ, конецъ, начало.

5) Flare, spirare; inflari, tumescere, crescere, florere; fortem, robustum esse, valere, posse. Дуть, вѣять; дуться, вдуваться, бухнуть,

увеличиваться, усиливаться, расти, цвѣсти; мочь, быть сильнымъ, здоровымъ и пр.

6) Соединять, вязать, связывать, плести, твять.

7) Tegege. Крыть, покрывать, укрывать, таять, беречь, хранить, охранять; скрывать правду, врать, лгать, обманывать; ложь, обманъ.

8) Sumere, sarege. Иметь, брать, хватать, ловить, получать, приобретать, покупать; брать, собирать, копить; куча, множество.

9) Пребывать, находиться гдѣ-либо, быть, жить; стоять, сидѣть, лежать, покоиться; ставить, класть.

10) Желать, хотѣть, любить“.

И. Лавровскій.